

УДК: 316.1:364.2

ГУМАНИТАРНАЯ ЭКСПЕРТИЗА КАК ИНСТРУМЕНТ ФОРМИРОВАНИЯ ОБРАЗА БЛАГОПОЛУЧНОГО БУДУЩЕГО

Ланкин Вадим Геннадьевич¹,
lankinvg@mail.ru

Селиванов Сергей Александрович²,
mezentseva9595@mail.ru

¹ Томский архитектурно-строительный университет,
Россия, 634003, г. Томск, пл. Соляная, 2.

² Томский государственный педагогический университет,
Россия, 634061, г. Томск, ул. Киевская, 60.

Ланкин Вадим Геннадьевич, доктор философских наук, профессор Томского архитектурно-строительного университета.

Селиванов Сергей Александрович, кандидат философских наук, доцент Томского государственного педагогического университета.

Актуальность. Рассматривается значение гуманитарной экспертизы для оценки инноваций и проектов в области социальных технологий, а также исследуются основания для выделения критериев такой оценки, выявляющих направленность инноваций на благополучие и развитие человека как субъекта культурного творчества и социальных взаимодействий. **Цель:** обосновать значение и конкретизировать критерии гуманитарной экспертизы технологических и социальных инноваций, выявляющей их направленность на благополучие и развитие человека как субъекта культурного творчества и социальных взаимодействий. Достижение данной цели предполагает ответы на вопросы, какую роль играют актуально-реальные и конструктивно-перспективные факторы человеческого существования в оценке инноваций с гуманитарных позиций и можно ли найти баланс этих факторов, при котором процессы изменений могут считаться оптимальными. **Методология** принятого подхода основывается на логике события, которая позволяет концептуализировать будущее в его соотношении с настоящим и, в частности, применить дифференцированную трактовку модальности возможного в понятиях логически возможного, реализуемого, допустимого и вероятного. **Результаты** работы отражают положение, что при конкретизации критериев важно опираться на принцип оптимума, который может быть выражен в понятиях безопасности, благополучия, идентичности и развития. Аспект благополучия выражает оптимум в соотношении материального и духовного начал человеческой действительности – и в этом качестве может служить одним из важных критериев гуманитарной экспертизы. Акцент делается на проблемах инноваций в сфере изменения человеческой действительности, примеры которых можно найти в дискурсе *post-human*, а также в современных тенденция реформирования системы образования. **Практическая значимость** – уточнение социально-структурного статуса (статуса субъектности) экспертной деятельности в области гуманитарных оценок социально-технологического развития с определением приоритетных проблемных направлений, зон риска, требующих таких оценок, и с методологической конкретизацией и коррекцией инструментария экспертизы для каждой из выделенных проблемных областей.

Ключевые слова: Гуманитарная экспертиза, прогнозирование, оценка, благополучие, критерии, оптимальный баланс, идентичность, развитие.

Двадцать первый век можно уверенно называть веком непрерывных инноваций. Но можно ли новое как таковое отождествить с лучшим как таковым? Инновации нельзя считать абсолютной ценностью. Напротив, они должны оцениваться с позиции неких более высоких и фундаментальных критериев. Неверно считать, что все новое заведомо лучше старого – такое суждение содержит логико-аксиологическую ошибку. Но и векторы обновления, поскольку их всегда более одного, подлежат оценке. Желательно исходить из того, что весь инновационный спектр – от экономических, технических до культуросозидательных практик – будет требовать оценочной рефлексии, поскольку требуется опережающее осмысление вероятных изменений как в системе общества, так и в существовании человека как такового. Тем более сегодня социуму необходима опережающая оценочность различных инноваций. Требуется прояснить спектр различных вероятных изменений, происходящих в инновационном потоке. Современная ситуация такова, что мощный инновационный поток порождает различные тенденции в разных сферах жизни. И совокупность этих тенденций общество не способно полноценно контролировать.

Сегодня тематика гуманитарной экспертизы инноваций и технологий становится все более актуальной. Регулярно появляются публикации, посвященные ей. Заметная часть из них посвящена философским в своей сути вопросам значимости и смысла данного направления деятельности [1–5], в других выявляются прикладные аспекты [6, 7], акцентируются актуальные проблемы [8] и отражены прикладные аспекты критериев и проведения экспертизы [9, 10]. В ряде работ уделено специальное внимание методологическим вопросам данной проблемы [5, 11]. Косвенно аргументы гуманитарной оценки затрагиваются в работах, обсуждающих вызовы, которые несут человечеству радикальные инновационные идеи и практики [12, 13].

Общий проблемный контекст данной темы исследования можно связать с высокой актуальностью и одновременно сложностью прогнозирования будущего в условиях нарастающего количества инноваций, представленных как в виде реализации, так и в виде проектов и формулируемых стратегий. Будущее – насколько оно вообще подлежит прогнозированию и верной оценке при этом? Не может быть прогноза без оценки последствий тех или иных действий; оценки же не могут быть объективными без соответствующего обоснования системы критериев. Это относится в высокой степени и к прогнозированию, и к оценкам проектов и инноваций с гуманитарных позиций, то есть на основе выявления их значения для существования и развития человека как агента технологий, актора социальных отношений и субъекта культурного творчества. При этом если область прогнозов и проектов развивается сегодня чрезвычайно активно, аспект критериев гуманитарной экспертизы остается по преимуществу функцией «здорового смысла», а также пластичным предметом субъективных манипуляций. А сами экспертные заключения, как правило, заказываются и организуются стороной, заинтересованной в продвижении своих инноваций любой ценой, то есть вне зависимости от действительных гуманитарных последствий этих нововведений. И эта практика становится все более тревожной в связи с тем, что все большее количество современных технологий и инноваций напрямую направлены на преобразования именно в социально-гуманитарной сфере. При этом проблема состоит в том, что при наличии практики, маркируемой терминами гуманитарной экспертизы, отсутствуют строгие, объективные и системные критерии такой практики. В лучшем случае вопросы такого рода критериев являются предметом открытой дискуссии. И здесь ключевым моментом будет являться проблема критериев, которые должны лежать в основе любой произведенной экспертизы. Данная проблема будет реализовываться во всей своей многогранности,

методологическое разрешение которой даст обоснование целей и средств экспертизы. Данная проблематика затрагивается в ряде работ [14]. Но дискурс целей экспертизы инноваций и гуманитарной экспертизы остается открытым, тем более открытой и требующей конкретизации остается область методов, средств и инструментария, а также и социально-структурного статуса и соответствующих возможностей осуществления такой оценки.

Обсуждение данной темы наталкивается на ряд проблем. Некоторые из них – проблема субъекта экспертизы, проблема ее назначения и, соответственно, нацеленности. На любое новое явление можно посмотреть с разных сторон, пусть даже и со всех сторон, но считая одни из них основным, а другие не главными – и результат такого видения оказаться иным. И это, как правило, зависит от интересов субъектов оценивания. Проблема субъекта оценки особенно обостряется (актуализируется) в виду того, что современный мир испытывает трансформацию институциональной структуры и социально-технологической основы субъектности. В частности, имеет место нарастающая дисфункция публичной власти как субъекта политики и управления при нарастающей гиперфункции экономических факторов влияния, как раз и предполагающую манипуляцию при навязывании оценок развития и трансформации социальной действительности. И все же именно проблема научного и философского обоснования критериев оценки является главной: она охватывает и собственно вопрос применения тех или иных критериев, и вопрос преодоления субъективизма при выработке этих критериев.

Данную проблему можно представить в виде серии вопросов: Как можно обосновать с высокой степенью объективности аспекты определения гуманистической значимости социальных и культурных инноваций? Каковы критерии такого рода оценки и чем конкретно они могут и должны основываться? Что положить в основание для осмысления координат видимых изменений? Как и чем обосновывается неприемлемость или приемлемость изменений, их оптимальность или рискованность? Какую роль играют материальные и духовные (или, иными словами, актуально-реальные и конструктивно-перспективные) факторы человеческого существования в конкретизации критериев оценки инноваций с гуманитарных позиций? Можно ли найти баланс этих факторов, при котором процессы изменений могут считаться оптимальными?

Цель данной статьи – обосновать значение и конкретизировать критерии гуманитарной экспертизы технологических и социальных инноваций, выявляющей их направленность на благополучие и развитие человека как субъекта культурного творчества и социальных взаимодействий.

В контексте нашего рассмотрения проблема экспертизы – это прежде всего проблема метода. Рассмотреть ее можно, таким образом, только в поле дискурса методологии. Основные инструменты методологического дискурса, применяемые в этой работе, таковы:

1. Координация разных теоретических подходов при выявлении ключевых аспектов анализа человеческой действительности – на принципах специфичности (атрибутивности) описываемых характеристик и меры интегративности теорий.

2. Системный подход при работе с многомерными и гетерогенными явлениями, каковыми и выступают явления человеческой действительности. В частности, человек гетерогенен: с одной стороны, он существо материальное, зависящее от материальных условий и приспособляющееся к ним, а с другой стороны, он существо творческое – переосмысляющее, мечтающее, целеполагающее, проектирующее. В этой связи не только факторы материальных благ и творческих способностей, но и аспекты технологии и культуры имеют разный генезис, но находятся в тесном взаимодействии.

3. И здесь мы привлекаем методологический критерий гармоничных состояний систем, которые можно выразить через характеристики оптимума и баланса. Аспект благополучия как раз выражает характеристику оптимума в координации получения материальных благ не для целей витального выживания или богатства экстремумов, а не оптимума), а для целей человеческой идентичности и развития (при том, что цели выживания и богатства соринтированы на экстремумы.)

4. Еще один важный логический инструмент, имеющий методологическое значение, – дифференцированная трактовка модальности возможного. Если мы говорим об образе будущего, то есть того, чего всегда еще нет, что представляет собой только возможность, то мы должны учитывать разные грани соотношения возможного с действительным – а именно аспекты вероятного, допустимого, реализуемого и т. п. Все они имеют прямое отношение к конкретизации аспектов и критериев гуманитарной экспертизы инноваций.

Конкретно аргументы методологического дискурса по отношению к проблеме гуманитарной экспертизы выглядят следующим образом: основанием гуманитарного аспекта не может быть социальная теория как таковая, равно как и экономическая теория, политическая, коммуникативная и даже теория культуры. Все эти аспекты могут оказаться здесь только производными проекциями и связанными контекстами; основной же должна выступить антропологическая теория. Гуманитарная экспертиза не сводима к социальной экспертизе не только по ее критериям и по ее направленности, но и по ее системному статусу. Мы предлагаем исходить из того, что человек – это метасистема по отношению к системе общества: существо и природа человека первичны, а социальность вторична – как система взаимодействия людей. Существует и обратное влияние: способности и потребности людей меняются в зависимости от способов их общения и взаимодействия. Но этот фактор не должен заслонять принципиальной базовой зависимости: общение и общество создается людьми для людей, и это первично; а люди оказываются агентами социальных функций – это вторично. Феномен человека придает смысл обществу – это система взаимодействия людей, хотя при этом в ней, естественно, образуются важные системные эффекты и новообразования, которые превосходят масштаб одного человека. Все эти новообразования и эффекты не в состоянии заменить то, что может только человек, и не может общество как таковое – думать, переживать, образовывать смысл. Общество же как система взаимодействия между людьми только осуществляет обмен и трансляцию актов человеческого сознания. Сознанием же в собственном значении – сознанием как способностью образовывать новые смыслы – обладает только человек.

Как же можно провести ось координат для столь многомерной системы, как человек? Если эта реальность многомерна, то и осей может быть много. Что считать в феномене человека опорным, центральным, собственным, оригинальным и осевым, а что периферийным, возможно, производным, привходящим, околочеловеческим?

Человек – существо материальное, то есть существующее и развивающееся на основе физических, биохимических, психофизиологических субстратов, а также на основе естественных факторов взаимодействия, которые надо выразить в терминах социальной системы. И одновременно человек – существо духовное, то есть способное жить перспективами возможного будущего, всегда еще не имеющего материального выражения. Причем жизнь перспективами будущего – целями, мечтами, ценностями, планами, задуманными проектами – для человека в большинстве случаев и ситуаций важнее, чем жизнь заданными прошлым условиями и обстоятельствами складывающегося настоящего. При этом важно, что духовное начало, то есть проектирование обра-

зов и векторов возможного будущего, не сводимо к определениям условий и обстоятельств. Представления людей о лучшем будущем не сводятся к заветной реализации заданных потребностей и актуальных стимулов. Хотя проективное духовное начало, разумеется, координируется с заданными условиями и данными обстоятельствами. Но с одной стороны, человеческий дух – это инстанция переосмысления естественного человеческого существования. И наличие такой инстанции как раз и выделяет человека из среды всего живого, равно как и объясняет исторический прогресс человечества. А с другой стороны, человеческий дух должен иметь оптимальные условия своей деятельности.

Между тем, во многих случаях слово «гуманитарный» в приложении к оценке той или иной критической ситуации, тех или иных жизненных процессов используется прежде всего для характеристики угрозы человеческой жизни или качеству этой жизни – в чисто материальном выражении. Слово «гуманитарный» употребляется тогда в значении, упускающем собственно гуманистический смысл этого понятия, а также узкий и строгий смысл «гуманитарности». Критерий *выживания* маркирует экстремальную черту для человеческого существования. И аспект *богатства*, равно как и аспект *переосмысления* (в его радикально новаторском виде), аспект *самоутверждения* (напротив, не подразумевающий какого-либо внутреннего обновления) – все эти аспекты несут в себе маркеры экстремальных состояний, к которым может стремиться человек. Однако система оказывается гармоничной не тогда, когда достигает того или иного максимума в своих тенденциях, а тогда, когда находит точки или зоны оптимума. Понятие оптимума несет в себе критериальный принцип. Как правило, *оптимум* не идентичен *максимуму*. Когда оцениваться именно *оптимум*, то преодолевается односторонность, часто свойственная логике максимизации. Она заменяется многосторонней логикой баланса. Именно баланс выступает как фактор и инструмент гармонизации сложных гетерогенных систем.

Методологической основой всех вышеперечисленных аргументов может выступить логика события, которая, в противоположность метафизике бытия, дает возможность рассмотреть различные модификации, рождающиеся из координации и взаимоданности сторон события: аспекты новообразования, аспекты появления и исчезновения. Логика события – это онтология появляющегося бытия. Она, как представляется, наиболее адекватно позволяет концептуализировать будущее, в том числе в его соотношении с настоящим. В ключе такой логики можно применить дифференцированную трактовку модальности возможного: Возможное – это: 1) *логически возможное* (по сути идентичное всевозможному – всему, что только не противоречит законам логики и что выражает аспекты воображения как ментальную среду для полагания целей; 2) это *реализуемое* – здесь возможное будущее координируется с существующими условиями. Но этот второй вариант трактовки возможного, в свою очередь, распадается: 2а) на *допустимое* и 2б) *вероятное*. *Допустимое* – этот концепт выражает субъективные условия возможного в качестве реализуемого – ценностные определения деятельности. Можно сказать, что именно условия допустимого играют самую главную роль в организации нашей перспективной практики. *Вероятное* подразумевает адекватную оценку объективных условий и обстоятельств реализуемости возможного. И здесь главное проблемное поле – в аспекте познания действительности, в рамках которой возможное может воплощаться.

Исходя из сказанного в методологическом разделе о логике баланса и нахождении оптимума при взаимодействии гетерогенных тенденций, можно выделить следующие ориентиры гуманитарных критериев, то есть тех характеристик, достижение кото-

рых необходимо для того, чтобы человеческое существование не подвергалось опасности разрушения или деградации, а напротив, обретало системные координаты устойчивости и прогресса. Вот такие ориентиры: *безопасность, благополучие, идентичность, развитие*. Можно заметить, что данные аспекты выделены на основе определенного категориального порядка, отражающего взаимодополнительные аспекты проблемы гуманитарного оптимума: Первые два аспекта отражают состояние материальных факторов человеческого существования, а точнее, факторов реальных и актуальных, то есть факторов, изначально имеющих условия, требующих устойчивого поддержания, и обстоятельств, содействующих росту и конструктивному функционированию системы человеческой деятельности. Безопасность – это то, что позволяет человеку сохранять себя и свой образ жизни как базовую материальную основу своей деятельности.

Благополучие – это то, что позволяет получать ресурсы, необходимые для реализации задач этой деятельности. Надо заметить, что здесь имеется в виду не получение ресурсов вообще в как можно большем количестве и качестве или в наиболее эффективном ритме, а ресурсное обеспечение конкретных человеческих целей. И, с другой стороны, имеется в виду не просто поддержание деятельности, а возможность достижения полагаемых целей, реализация перспективных планов, воплощение конкретной мечты. Понятие благополучия нельзя ограничить ни обеспечением минимума жизненно необходимых материальных благ, минимального достатка, ни подвести его под экстремум максимума материальных благ. Оно не включает максимизацию обретаемых благ, отражаемую понятием богатства. Оно подразумевает благо в полном гуманитарном смысле, то есть обеспечение деятельного развития человека.

Вторые два аспекта отражают человеческое событие в его духовном измерении. Идентичность здесь выражает самоидентичность человеческого сознания как условие его аутентичности и самоутверждения. Чтобы быть субъектом деятельности, человек должен опираться на основание своей идентичности. Она может быть как традиционной идентичностью, так и новой самоидентификацией. Но важно то, что она не должна претерпевать разрушения при внешней трансформации. Внешнее воздействие на идентичность человека травмирует человеческую личность и ущемляет человеческую свободу. Именно поэтому идентичность – это важный критерий гуманитарной ценности. Что же касается внешней трансформации, то формы таковой могут быть разными, например внушение новой идентичности, пропаганда новой идентичности (как вариант осуществления внушения) новая идентичность, которая внутри себя предполагает внешне инкорпорированный активный нечеловеческий фактор, как, например, в случае, когда человек – адепт идеи *post-human* готов самоидентифицироваться в качестве киборга. Все это формы внешнего воздействия на человеческую идентичность.

Развитие же – это необходимый атрибут человеческой субъектности, выражающий нашу устремленность в будущее, нашу творческую конструктивность. Теряя измерение осваиваемого будущего, человек утрачивает полноту существования. Можно свести этот фактор к креативной способности. Аспект аутентичной субъектности здесь тоже чрезвычайно важен. Развивается ли человек, к примеру, в состоянии развлечения или игры? Здесь есть сложность и дифференциация: для ребенка это состояние приобщения к действительности и актуальное развитие, поскольку граница между реальностью и игрой для него отсутствует – игра это просто часть действительности, причем интенсивно-креативная ее сторона (часть). Для взрослого же геймера игра – всегда увлекательная симуляция, отличающаяся высокой степенью вовлеченности, но при этом сдерживающая его креативность рамками кем-то заданной программы. Психологически вовлеченность камуфлирует отсутствие креативности. Многие явления современной

информационной среды, которые можно подвести под гибридный термин «infotainment», не выдерживает гуманитарной экспертизы по критерию развития. Соответствующие технологии в связи с этим выпадают в разряд рискованных с позиций системной антропологии и логики оптимального баланса факторов человеческого существования.

Прокомментируем аспект идентичности, выделенный в качестве ориентира критериев гуманитарной экспертизы: понимание человека возможности и проекта и только – это означает легитимацию его переформирования или отмены: если человек оказывается только проектом возможного, то нарастание всевозможного вначале снимает характер конкретного проекта, а затем растворяет и качество идентичности человека. «Человек» оказывается некой проективностью, в рамках которой дочеловеческое, человеческое и постчеловеческое уравниваются.

Рассуждения о «постчеловеке» зачастую выходят за рамки технологических вопросов и принимают характер вопросов философских [15–18]. Но этот дискурс о Homo novus как человеке новейшего типа, о конструировании/реконструировании человека обладает тем логическим смыслом, что возможные изменения как таковые и оказываются критериями изменений. Ряд авторов говорят о необходимости «признания абсолютного и внебытийного критерия – свободы и условий ее реализации» [19. С. 541]. И тогда, действительно, получается, что «все, что может представить человеческое сознание, может быть реализовано в той или иной степени» [20. С. 225]. При таком подходе какие-либо параметры экспертизы окажутся легковесными и ненужными, поскольку сам критерий оценки – неясный, расплывчатый. Критерий здесь – *всевозможное* как экстремум проективной свободы.

Сделать из человека не человека (постчеловека) – это не гуманно не потому только, что качества постчеловека могут проигрывать качествам человека, не дополнять их, а вести к их деградации, но прежде всего потому, что это означает слом идентичности. Допустим, что этих крайностей деструкции как-то удастся избежать. Но существо, перестающее быть самим собой, отказывающееся быть самим собой, теряет тем самым способность и адекватно оценивать себя, теряет саму систему координат, относительно которой возможна такая оценка. В связи с этим важен принцип специфичности, на основе которого определялась бы идентичность человеческого существа. Именно это и есть человек в собственном смысле. Все же прочее, что происходит с человеком и в связи с ним, – это не некие обобщенно собираемые «человеческие качества», а точнее – «человеческие обстоятельства». Другими словами, это что-то вокруг или около человека – «парачеловеческое», что составляет некий контекст существования человека. Именно человеческие обстоятельства подлежат самым разнообразным изменениям, которые можно характеризовать по разным параметрам в модусах деградации (слабости) или совершенства (силы). Но только в том случае такие изменения можно квалифицировать по шкале совершенствования, когда сущность человеческого не теряет центрированности, то есть развитие системы характеризуется онтологической преэминентностью и устойчивостью, а также аксиологической соизмеримостью с самой собою. Применять гуманитарную экспертизу к проекту существа post-human как бы уже неуместно, но с позиций критериев такой экспертизы неуместна сама возможность такого существа. Критерий человеческой идентичности его принципиально отбраковывает.

Гуманитарный подход заставляет исходить из того, что человек по определению приоритетнее «постчеловека», ибо человек холархичен – целостно иерархичен – то есть выше в качестве цели. Постчеловек же – просто конструкт, копия, хотя и улучшенная.

Он действительно может обладать многими полезными свойствами, которыми человек до этого не обладал. Согласно применяемой нами логике идентичности и специфичности человеческой действительности все возможные трансгуманистские проекты уместны только для целей компенсации чего-то недостаточно-человеческого – не недостатков человеческой природы как таковой, а природных изъянов или искажений, свойственных людям или постигающих людей. Человеческое не может быть превзойдено постчеловеческим, ибо в нем есть некая тайна – специфическая смыслообразующая целостность, смысловая субъектность – душевность, дух. Все это не может быть заменено в качестве цели на что-то другое, что может появиться в «постчеловеке».

Надо также допустить, что бессознательно-витальное в области человека – это важные и неотъемлемые, но все же «человеческие обстоятельства» в сопоставлении с особым континуумом, переживанием и сознанием человека, как специфическим феноменом, который не сводится к свойствам бессознательного. Данный критерий дает возможность отбраковывать те тенденции, которые сталкивают человека в витально-бессознательные состояния, где на него как на природное существо можно прямо технологически воздействовать. Это позволит отбраковывать технологии, эффективно воздействующие на человека на уровне бессознательного в обход сознания. Человек как носитель сознания не должен стать экспериментальным объектом социальных технологий. Если же мы видим такие тенденции, то гуманитарная экспертиза должна бить тревогу.

Не менее важным аргументом для ориентиров гуманитарных критериев выступает способность человеческого существа к развитию в качестве субъекта. Он тесно соотносится с критериями конструктивности, а также с определением оптимума в логике баланса.

Появление новых технологических возможностей приводит к инновационному сдвигу, что неизбежно порождает риски прессинга природной и социальной среды; и прежде всего риск атрофии основных способностей человека. Он втягивается в процессы технологий, где уже не сам человек как субъект, а преобразованная им природа, то есть техника, начинает играть первостепенную роль. С обретением новых невиданных технологических возможностей может поменяться сам вектор целей, может отклониться мотивационная ось так, что это может привести к деградации или взрыву антропной и социальной систем.

Есть вероятность, что система может развиваться и расширяться гармонично, без опасных флуктуаций, при наличии постоянной рефлексии. Экспертиза инновационных изменений призвана выполнять роль такой рефлексии. В ее основание может быть заложен только анализ последствий для сложной противоречивой системы и баланса в ней. Ведь это система переосмысления и преодоления человеком простой натуральности бытия. Такая экспертиза анализирует и оценивает изменения собственных субъектных способностей человека – изменения его смыслообразующих возможностей и уровень конструктивности его целей. Ее параметры должны регистрировать диапазон роста/сокращения способностей человека как субъекта.

Особое значение здесь играют инновации в системе образования. Каковы же тренды в образовании, нуждающиеся в применении данных критериев развития? Мы сконцентрируем здесь внимание только на одной тенденции. Это тренд смещения (замены) целей образования с развития способностей к осмыслению и переосмыслению действительности на развитие умений приспособления к разнообразным ситуациям, которые несет изменчивая действительность. Человек осмысляющий как идеал классического образования вытесняется человеком приспособляющимся. Парадигма при-

ритета знаний (смыслов) над умениями меняется на парадигму приоритета умений над знаниями, как бы входящих теперь в состав умений (компетенций). Перевод системы организации содержания образования с дисциплинарной структуры на структуру компетенций как раз и является знаком замены системы знаний (а она и выражена в структуре дисциплин) на систему умений, которая выражается в структуре компетенций. Одновременно это тенденция распада целостного человека как объекта и цели образования. Она прямо соответствует тому явлению современной жизни, которое Э. Тоффлер характеризовал посредством понятий «модульный человек» и «поток ситуаций». Прямым выражением этой тенденции является утверждающаяся сегодня модульная система образования (и соответствующий ей компетентностный подход). Человек не просто включается в социальный организм в качестве модульного человека, он и формируется как модульный человек. Разобрать человека на части с надеждой, что эти части будут собираться на уровне социального целого – это деструктивная задача, если смотреть на нее глазами гуманитарной экспертизы. Но в такой парадигме образование перестает выполнять миссию направленной координации оси ценностей и целей в надежде, что она сама спонтанно проявится в ситуации оснащенной умениями человеческой свободы. Тренд компетентностного подхода, по крайней мере, в том виде, как он предстает сейчас, может привести к опасным рискам. При оценке его на основе критерия конструктивного развития человека как субъекта он проигрывает в сравнении с классической гуманистической парадигмой, направленной на обретение способности формирования целей, – способности, которая предстает главным фактором культуры и в развитии которой состоит главная миссия образования.

Важно обратить особое внимание на аспекты баланса – оптимума. Здесь подразумевается прежде всего баланс между технологическим и культурным факторами преобразования человеческой действительности, баланс в соотношении ресурсного (материального) и перспективно-целеполагающего (духовного) факторов человеческого существования, а также баланс при соизмерении социальной и личностной систем идентификации и осмысления человеческого бытия. За каждым из данных сопоставления кроется коллизия: максимизация одной из сторон соотношения может приводить к деградации другой. Оптимум здесь означает такую меру усиления и влияния сторон, при которой ни одна из сторон не подвергнется вынужденной деградации. Например: социальная система не должна усиливаться настолько, чтобы подавить возможности человека как субъекта. Стремление к максимизации ресурсов, к достижению эффективности их использования (или как частный случай этой же логики эффективности – к достижению все более высокого уровня комфорта) не должно вести к деградации целей и ценностей развития – к замене логики высоких целей на логику накапливаемых средств. Система технологии как способа управления человеческим поведением и процессами в обществе не должна вытеснить систему культуры как способа организации человеческой деятельности через апелляцию к сознанию человека. Обратим в связи с этим внимание, что техника и технология – это факторы и результаты активного адаптивного процесса, процесса приспособления деятельностной системы человека и природы, осваиваемой таким образом им, а переосмысление натуральности – обретение сверхнатуральных ценностей и выработка целей – это прерогатива культуры. Техника и технологии ответственны за средства, культура же – это сфера формирования целей.

Кроме того, еще одно соотношение имеет здесь важный методологический характер: Человек – кто он: продукт культуры и различных технологий или он их творец? Если он продукт, то человеком правят структуры, которые так или иначе не суть он сам. Но если он творец всей своей смысловой вселенной, в которую включен и отражен

и весь комплекс относительно бессмысленных вещей, то человек будет всегда оставаться той «мерой всех вещей». Все теперь будет зависеть от того, как мы будем рассматривать сущность природы человека. Отсюда и оценка таких тенденций: нарастание социального технологизма в противовес культуре – опыту осмысления, усиления манипулятивности в противовес выявлению подлинных интересов людей. В одном случае они будут выглядеть как болезненные явления, в другом – как нормальные и даже как желательные векторы развития общества и человека. Но человек – и то, и другое. И оптимальный баланс здесь поэтому необходимо учитывать и определять.

Если же обратиться к определению оптимального баланса в соотношении материальных (по сути всегда ресурсных) аспектов и духовных (перспективно-проективных и потенциальных) аспектов, то надо заметить, что технологии в нашем их использовании – это материальные факторы, они и представлены в основном через материальные объекты и отношения – машины, приспособления и действия с ними; они функционально направлены на приспособление к материальной среде. И это несмотря на то, что создаются технологии в процессе творчества, имеющего духовный характер. Культура же апеллирует главным образом к человеческому духу – к нашему пониманию перспектив, ценностей, возможностей и целей преодоления простой естественности существования. И это так при том, что культура для этих целей использует огромный массив материально выраженных средств.

Оптimum в данном соотношении лучше всего выражает понятие *благополучие*. Оно способно преобразовать логику максимизации ресурсов и эффективности в логику соответствия средств целям. Благополучие тогда предстанет как экономический критерий и баланса в отношении социум–личность, и баланса в соотношении технология–культура. Аспект благополучия выражает optimum в соотношении материального и духовного начал человеческой действительности – и в этом качестве может служить одним из важных критериев гуманитарной экспертизы.

Выработка четких и объективно обоснованных критериев гуманитарной экспертизы инноваций и проектов – это не только острая проблема, перед которой оказалась современная интеллектуальная и концептуальная практика, но и настоятельная необходимость для человека будущего, который столкнется с еще большим размахом инноваций, затрагивающих не только сферу средств человеческой деятельности, но и сферу ее целей. Переустановка целей развития – это знак современного этапа развития культуры и общества, который в связи с этим принято называть кризисным. Но переустановка целей, и тем более ценностей человека как субъекта деятельности это очень ответственное действие. И оно не может осуществиться только энергией энтузиазма модернизаторов. Оно должно опираться на более глубокое и точное понимание человека, человеческой действительности, то есть на развитую антропологическую теорию и конкретные способы и методы приложения такой теории к нашей целеполагающей и проектной деятельности. Подходы и критериальные принципы, раскрытые в этой статье, могут сыграть свою роль в продвижении дискурса гуманитарной оценки и в систематизации факторов, которые можно учитывать в качестве критериев такой оценки.

Практическое значение данной теоретической разработки состоит в том, что дается методологически четкая постановка целей и обоснование принципов социальной рефлексии и экспертной оценки инноваций, способных существенно преобразовывать жизнь человека, что позволяет начать формировать систему такой экспертной деятельности как в функциональном, так и в социально-структурном аспектах. В функциональном аспекте это может стать основой формулирования конкретных задачи гуманитарной экспертизы для различных направлений ее применения. В структурном и ста-

тусном аспекте это открывает возможность выстраивать различные варианты организованной субъектности экспертной деятельности. В зависимости от остроты и контекста исследуемой проблемы субъектами такой деятельности могут выступать интеллектуальные коллективы, на основаниях профессиональной и гражданской инициативы проводящие исследования в области последствия актуальных инноваций (подобно тому, как это делают с 1970-х годов интеллектуальные коллективы (клубы) в отношении глобальных проблем человечества). Возможные варианты субъектности включают и создание институциональных структур, ответственных за экспертизу и мониторинг как на корпоративном, так и на национальном и международном уровнях. В свете актуальности гуманитарной рефлексии инновационного процесса современности данная разработка позволяет аргументировано обосновывать необходимость создания такого рода структур в обозримой перспективе.

Произведенное выделение принципов и критериев экспертной деятельности в области гуманитарных оценок социально-технологического развития позволяет обоснованно определять приоритетные проблемные направления, зоны риска, требующие таких оценок, а также осуществить методологическую конкретизацию и коррекцию инструментария экспертизы для каждой из выделенных проблемных областей. Прежде всего это сферы социальных технологий, предметом или косвенным эффектом которых является изменения человека как субъекта деятельности; риск же связан с тем, что такие изменения при декларируемой направленности на цели управления, комфорта, эффективности и эволюции могут угрожать его идентичности, нести скрытые разрушительные или деградационные последствия. В особых зонах риска оказываются, например, проводимая реформа отечественного образования по евроинтеграционным клише. Только обоснованно мотивированная, методологически выверенная и социально институционализированная экспертиза способна дать заключение о факторах пользы и вреда в программе реформ. Еще один пример выделяемой зоны гуманитарного риска – распространение трансгуманистических доктрин и практики. Очевидные предметные сферы экспертизы – развитие коммуникаций на основе ИТ, существенно влияющих на способности актуализации человеческого сознания, а также распространение социальных технологий манипулятивного воздействия, в том числе на основе СМИ и ИТ. Корректно использованные критерии позволят для каждой из выделенных областей применять свой вариативный инструментарий экспертизы.

Более подробное формулирование характеристик практического применения гуманитарной экспертизы как актуальной социальной задачи может быть осуществлено в рамках отдельного актуального проекта. Правда, реализация такого проекта станет продуктивной после приведения антропологического дискурса к консенсусу в понимании основных факторов риска человеческой идентичности и развития.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гуманитарная экспертиза. Возможности и перспективы / отв. ред. В.И. Бакштановский. – Новосибирск: Наука СО, 1992. – 224 с.
2. Ашмарин И., Юдин Б. Основы гуманитарной экспертизы // Человек. – 1997. – № 3. – С. 76–86.
3. Панина Г.В. Социокультурная экспертиза как фактор развития техногенной цивилизации. URL: <http://spkurdyumov.ru/misc/sociokulturnaya-ekspertiza/> (дата обращения: 25.11.2017).
4. Тульчинский Г.Л. Гуманитарная экспертиза как социальная технология // Экспертиза в социальном мире: от знания к деятельности / под ред. Г.В. Иванченко, Д.А. Леонтьева. – М.: Смысл, 2006. – С. 10–29.
5. Ланкин В.Г. Модульность образования и целостность человека: к критериям экспертизы гуманитарных практик // Вестник науки Сибири. Серия: Гуманитарные науки. – 2012. – № 1 (2). – С. 203–209. URL: <http://sjs.tpu.ru/journal/article/view/224/209> (дата обращения: 25.11.2017).

6. Юдин Б.Г. От этической экспертизы к экспертизе гуманитарной // Информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение». URL: http://www.zpu-journal.ru/gumtech/expert_exam/articles/2007/Yudin/ (дата обращения: 25.11.2017).
7. Дерябина О.М. Гуманитарная экспертиза как механизм влияния // Экспертиза в социальном мире: от знания к деятельности / под ред. Г.В. Иванченко, Д. А. Леонтьева. – М.: Смысл, 2006. – С. 89–113.
8. Сафуанов Ф.С. Гуманитарная экспертология: актуальные проблемы и перспективы // Экспертиза в социальном мире: от знания к деятельности / под ред. Г.В. Иванченко, Д.А. Леонтьева. – М.: Смысл, 2006. – С. 51–62.
9. Kellman P.J., Garrigan P. Perceptual learning and human expertise // *Physics of Life Reviews*. – 2009. – V. 6. – № 2. – P. 53–84.
10. Harre V., Bossomaier T., Snyder A. The Development of Human Expertise in a Complex Environment // *Minds and Machines*. – 2011. – V. 21. – № 3. – P. 449–464.
11. К системной методологии комплексной гуманитарной экспертизы // Г.В. Иванченко, Д.А. Леонтьев, Ф.С. Сафуанов, Г.Л. Тульчинский // Труды Ярославского методологического семинара. Т. 3: Методы психологии / под ред. В.В. Новикова. – Ярославль: МАПНБ, 2005. – С. 89–110.
12. Моисеева А.П., Ланкин В.Г., Кондратьева И.В. Социальная инженерия в контексте трансдисциплинарности. – Томск: Изд-во ТПУ, 2012. – 240 с.
13. Shaw D.V. Posthuman? And Who Are ‘We’ Anyway? // *Science as culture*. – 2016. – V. 25. – № 2. – P. 289–295.
14. Тульчинский Г.Л. Новый сдвиг гуманитарной парадигмы и гуманитарная экспертиза // *Философия и будущее цивилизации: Тезисы докладов и выступлений IV Российского философского конгресса*. – М.: Современные тетради, 2005. – С. 413–414.
15. Baker J. Book review: Exits to the Posthuman Future, The Posthuman, and Posthumanism // *Thesis Eleven*. – 2016. – V. 132. – № 1. – P. 121–125. URL: <http://journals.sagepub.com/doi/10.1177/0725513615596402> (дата обращения: 25.11.2017).
16. Cox D.M. Prophets of the Posthuman: American Fiction, Biotechnology and the Ethics of Personhood by Christina Bieber Lake // *Modern theology*. – 2016. – V. 32. – № 1. – P. 139–141. URL: <http://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/moth.12233/full> (дата обращения: 25.11.2017).
17. Cuadrado J.Á.G. Albert Cortina y Miquel-Àngel Serra, ¿Humanos o posthumanos? Singularidad tecnológica y mejoramiento humano // *Scripta Theologica*. – 2016. – V. 48. – № 1. – P. 222–223.
18. Ланкин В.Г. Человек как предмет техники: возможности и проблемы трансгуманизма // Молодежь, наука, технологии: новые идеи и перспективы: III Международная научная конференция студентов и молодых ученых (МНТ-2016). – Томск: Изд-во ТГАСУ, 2016. – С. 849–860.
19. Тульчинский Г.Л. Трансцендентальный субъект, постчеловеческая персонология и новые перспективы гуманитарной парадигмы // Я.А. Слинин и мы. К 70-летию профессора Я.А. Слинина. – СПб.: СПб философское общество (Серия «Мыслители»), 2002. – С. 528–555.
20. Чеснокова Т.Ю. Постчеловек – потери и приобретения. От неандертальца до киборга. – М.: Алгоритм, 2008. – 368 с.

Поступила 29.11.2017 г.

UDC: 316.1:364.2

HUMANITARIAN EXPERTISE AS A TOOL FOR CREATION THE IMAGE OF WELL-BEING FUTURE

Vadim G. Lankin¹,
lankinvg@mail.ru

Sergey A. Selivanov²,
mezentseva9595@mail.ru

¹ Tomsk State University of Architecture and Building,
2, Solyanaya square, Tomsk, 634003, Russia.

² Tomsk State Pedagogical University,
60, Kievskaya street, Tomsk, 634061, Russia.

Vadim G. Lankin, Dr. Sc., professor, Tomsk State University of Architecture and Building.

Sergey A. Selivanov, Cand. Sc., associate professor, Tomsk State Pedagogical University.

*The article considers the importance of the humanitarian expertise in assessing innovations and projects in social technologies, and reveals the basis for defining the criteria of the assessment that identify whether the innovations are centred at a man's well-being and his development as an agent of social-cultural and social interactions. **The aim** of the article is to specify and to give scientific credence to the humanitarian expertise of technological and social innovations that reveals their direction at the well-being and the development of a person as the agent of cultural work and social interactions. The achievement of the purpose implies answering the question what role is played by the actual-real and constructive-perspective factors of human being in the assessment of innovations from the humanitarian point of view and whether it is possible to find the balance of these factors when the alteration processes are considered optimal. **The methodology** of the approach implemented is based on the logic of event. The logic helps conceptualize the future in its balance with the present and, in particular, to apply the differential rendering of modality of the eventual in the notions of logically possible, actualizable, admissible and probable. **The outcomes** of the work prove the idea that while specifying the criteria it is important to base on the principle of optimum as the foundation which can be expressed in the terms of safety, well-being, identity and development. The aspect of well-being reflects the optimum in the balance of material-spiritual in a man's reality and in this respect it can serve as one of the most important criteria of the humanitarian expertise. The article introduces an assessment of the practical significance of its theoretical results. It is related to the possibility of clarifying the socio-structural status (status of subjectivity) of expert activities in the field of humanitarian assessing social and technological development, with the definition of priority problem areas, with risk areas requiring such assessments, and with methodological specification and correction of the tools of expertise for each of the selected problem areas.*

Key words: Humanitarian expertise, prospecting, assessment, well-being, criteria, optimum balance, identity, evolution.

REFERENCES

1. *Gumanitarnaya ekspertiza. Vozmoshznosti i perspektivy* [Humanitarian Expertise. Opportunities and Perspectives.]. Ed. by V.I. Bakshtanovsky. Novosibirsk, Nauka Publ., 1992. 224 p.
2. Ashmarin I., Yudin B. *Osnovy gumanitarnoi ekspertizy* [Basics of Humanitarian Expertise.] *Chelovek*, 1997, no. 3, pp. 76–86.

3. Panina G.V. *Sotsiokulturnaya ekspertiza kak faktor razvitiya tekhnogennoy tsivilizatsii* [Social and Cultural Expertise as a Factor of Technic Civilization Development]. Available at: <http://spkurdyumov.ru/misc/sociokulturnaya-ekspertiza/> (accessed 25 November 2017).
4. Tulchinskiy G.L. Gumanitarnaya ekspertiza kak sotsialnaya tekhnologiya [Humanitarian Expertise as the Social Technology]. Eds. G.V. Ivanchenko, D.A. Leoteva. *Ekspertiza v sotsialnom mire: ot znaniya k deyatelnosti*. Moscow, Smysl Publ., 2006. pp. 10–29.
5. Lankin V.G. Education Modularity and Human Holism: to the Criteria of Humanitarian Practice Expertise. *Siberian Journal of Science*, 2012, no. 1 (2), pp. 203–209. In Rus. Available at: <http://sjs.tpu.ru/journal/article/view/224/209> (accessed 25 November 2017).
6. Yudin B.G. Ot eticheskoy ekspertizy k ekspertize gumanitarnoy [From the ethical examination to the expertise of the humanitarian]. *Informatsionny gumanitarny portal «Znanie. Ponimanie. Umenie»*. Available at: http://www.zpu-journal.ru/gumtech/expert_exam/articles/2007/Yudin/ (accessed 25 November 2017).
7. Deryabina O.M. Gumanitarnaya ekspertiza kak mekhanizm vliyaniya [Humanitarian Expertise as a Mechanism of Influence]. *Ekspertiza v sotsialnom mire: ot znaniya k deyatelnosti*. Moscow, Smysl Publ., 2006. pp. 89–113.
8. Safuanov F.S. Gumanitarnaya ekspertologiya: aktualnye problemy i perspektivy [Humanitarian Expertology: Actual Problems and Perspectives]. *Ekspertiza v sotsialnom mire: ot znaniya k deyatelnosti*. Moscow, Smysl Publ., 2006. pp. 51–62.
9. Kellman P.J., Garrigan P. Perceptual learning and human expertise. *Physics of Life Reviews*, 2009, vol. 6, no. 2, pp. 53–84.
10. Harre V., Bossomaier T., Snyder A. The Development of Human Expertise in a Complex Environment. *Minds and Machines*, 2011, vol. 21, no. 3, pp. 449–464.
11. Ivanchenko G.V., Leontev D.A., Safuanov F.S., Tulchinsky G.L. K sistemnoy metodologii kompleksnoy gumanitarnoy ekspertizy [Toward the System Methodology of Complex Humanitarian Expertise.] *Trudy Yaroslavskogo metodologicheskogo seminar. T. 3. Metody psikhologii* [Proc. Yaroslavl Methodological seminar. Vol. 3. Psychology techniques]. Yaroslavl, MAPNB Publ., 2005. pp. 89–110.
12. Moiseeva A.P., Lankin V.G., Kondrateva I.V. *Sotsialnaya inzheneriya v kontekste transdistsiplinarnosti* [Social Engineering in the Context of Transdisciplinary]. Tomsk, TPU Press., 2012. 240 p.
13. Shaw D.B. Posthuman? And Who Are ‘We’ Anyway? *Science as culture*, 2016, vol. 25, no. 2, pp. 289–295.
14. Tulchinsky G.L. Novy sdvig gumanitarnoy paradigmy i gumanitarnaya ekspertiza [New Shift of Humanitarian Paradigm and Humanitarian Expertise]. *Filosofiya i budushchee tsivilizatsii. Tezisy dokladov i vystupleniy IV Rossiyskogo filosofskogo kongressa* [Philosophy and future of civilization. Proc. IV Russian philosophic congress]. Moscow, Sovremennye tetradi Publ., 2005. pp. 413–414.
15. Baker J. Book review: Exits to the Posthuman Future, The Posthuman, and Posthumanism. *Thesis Eleven*. 2016, vol. 132, no. 1, pp. 121–125. Available at: <http://journals.sagepub.com/doi/10.1177/0725513615596402> (accessed 25.11.2017).
16. Cox D.M. Prophets of the Posthuman: American Fiction, Biotechnology and the Ethics of Personhood by Christina Bieber Lake. *Modern theology*, 2016, vol. 32, no. 1, pp. 139–141. Available at: <http://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/moth.12233/full> (accessed 25.11.2017).
17. Cuadrado J.Á.G. Albert Cortina y Miquel-Àngel Serra, ¿Humanos o posthumanos? Singularidad tecnológica y mejoramiento humano [Albert Cortina and Miquel-Àngel Serra, Humans or posthumans? Technological uniqueness and human improvement]. *Scripta Theologica*, 2016, vol. 48, no. 1, pp. 222–223. (In Spanish).
18. Lankin V.G. Chelovek kak predmet tekhniki: vozmozhnosti i problemy transgumanizma [A Man as a Matter of Technics: Opportunities and Problems of Transhumanism.] *Molodezh, nauka, tehnologii: novye idei i perspektivy. III Mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya studentov i molodykh uchenykh* [Youth, science, technologies: new ideas and prospects. III International conference of young scientists]. Tomsk, TSUAB Press, 2016. pp. 849–860.
19. Tulchinskiy G.L. Transtsendentalny subekt, postchelovecheskaya personologiya i novye perspektivy gumanitarnoy paradigmy [Transcendental subject, Post-human Personality and new Perspectives of Humanitarian Paradigm]. *Ya.A. Slinin i my. K 70-letiyu professora Ya.A. Slinina* [Ya.A. Slinin and we. To the 70th anniversary of professor Ya.A. Slinin]. St-Petersburg, SPb filosofskoye obshchestvo Publ., 2002. pp. 528–555.
20. Chesnokova T.Yu. *Postchelovek – poteri i priobreteniya. Ot neandertal'tsa do kiborga* [Posthuman – Losses and Attainments. From Neanderthal to Cyborg]. Moscow, Algoritm Publ., 2008. 368 p.

Received: 29 November 2017.